

ПОРТРЕТ

Кичишвили - 1992. - 18 лет. - с. 9

Когда в Тбилиси проходили торжества, посвященные царю Давиду IV Строителю, семьсот отнюдь не театральных всадников на лошадях составили свиту великого сына Грузии, почитаемого как святого. Самого же Давида доверено было представить Отару Мегвинетухуцеси. В самом этом выборе без всякого референдума выразилось всенародное отношение к человеку, с чьим обликом у миллионов простых людей ассоциируется образ защитника Грузии, ее совести и надежды. Такое доверие нельзя выхлопотать. Его можно только заслужить ценою всей жизни, что совсем не просто. Однако как должен быть счастлив тот, кто удостоился подобной чести.

МУЖЧИНЕ ИДЕТ БЫТЬ МУЖЧИНОЙ

Отару Мегвинетухуцеси — 60! Десять лет назад его юбилей сорвала внезапная смерть близкого друга, выдающегося грузинского актера Эроси Манджгаладзе.

— Какой может быть праздник, если вся Грузия оплакивает Эроси? — сказал мне тогда Отар.

Нынче по понятным причинам тем более не до юбилеев...

Но мне давно хотелось написать об Отаре Мегвинетухуцеси, ибо знаю его хорошо, видел и на сцене, и на экране много раз. И всегда смотрел на него с восхищением. И тогда, когда он был еще совсем молодым актером, сперва в Театре имени К. Марджанишвили, а затем — в Руставском. И позже, когда он вместе с товарищами вернулся в родную марджановскую семью.

Высокий, стройный, красивый, ладно скроенный природой, с огромными голубыми глазами, он меньше всего похож на крестьянина из Кахети, откуда родом. Есть в Отаре что-то царственное, в пластике, посадке головы. Надо видеть и слышать, как ведет он себя не только на сцене, но и на улице, дома, в гостях. Как красиво ест, как внимательно слушает, как смотрит на женщин. Последнее особенно интересно, ибо красавцы мужчины, привыкшие к легким победам, и ведут себя соответственно. Мегвинетухуцеси и здесь держится по-мужски скромно, с большим достоинством.

Нет, он не ангел! Рассказывают, что он по-настоящему ревнив, но и сам любит так, что можно лишь позавидовать и его жене Гуранде, и дочери Марине.

Как-то весной мы вместе провели пасхальную ночь в Тбилиси у них в доме. Было всего несколько человек, в том числе и Александр Володин. Горели свечи, произносились тосты, читали стихи, говорили об искусстве. Именно тогда я впервые услышал от Отара, что театр в крови у грузин. Отар вел пасхальный стол божественно, как литургию. И смущался от того, что нас с Володиным это изумляло. Краснел и бледнел, как отрок. Но при этом оставался мужественным и прекрасным.

Главное дело его жизни — высокая трагедия, будь то Отелло, Эдип, Сирано, Дон Кихот, Пирсомани, Дата Туташхиа, Сатин.

Мегвинетухуцеси не из робкого десятка. И в жизни, и в творчестве. Он помнил о великих предшественниках, что играли до него эти роли. Но исходил из того, что классика не может быть исчерпана самым гениальным исполнением. Напротив, чем лучше роль, тем больше вариантов она предполагает. Поэтому его Отелло не мазался черной краской. Он убивал Дездемону не из ревности, тем более, не из мести и ненависти, но исключительно из любви. Любви поруганной, опошленной, униженной.

Следом за Гамлетом Отелло мог бы сказать, что он любил, как сорок тысяч братьев любить не могут. В наш излишне феминизированный беспольный век этот по-настоящему мужественный красавец генерал покорял не только внешней, данной ему от Бога статью, но, прежде всего, богатством души.

Неожиданность трагедии отличала и его Эдипа. Да, герой не в силах изменить обстоятельства, но и не хочет к ним приспособливаться. Рок — рок, а человек — человеком. Эдип не может вступить воединок с божественным предначертанием. Но и жить, в сомнениях, не узнав до конца всей правды о себе самом, не в состоянии. Никто и ничто, кроме собственной совести, не заставляет Эдипа вступить на этот путь исканий, а тем более так строго судить себя.

Мегвинетухуцеси будто всю жизнь готовился к встрече именно с таким Эдипом: мудрым, мужественным, прямым, настойчивым, честным. Поначалу даже казалось, что его Эдипу может не хватить темперамента, чтобы привести трагедию к развязке. Но постепенно все становилось на свои места, и мы понимали, что здесь был особый замысел: не торопить события, не готовить нас к взрыву, а произвести его внезапно, подчеркнув тем самым исключительность ситуации, ее неординарность.

Эдип — Мегвинетухуцеси, освобожденный от театральных котурнов, вдруг заинтересовал нас своим пытливым взглядом, обращенным в первую очередь внутрь, к себе самому.

Мегвинетухуцеси — настоящий театральный герой. Он одинаково интересен не только в образах романтических, но и бытовых, комических. До-

статочно вспомнить его работу в «Провинциальной истории» Лали Росеба, где он играл актера Лео, человека одаренного, но опустившегося, загубленного средой. И тут же — Ромул Великий Фридриха Дюрренматта, римский император, который боится не столько внешних врагов-германцев, но собственных «патриотов», обеспокоенных лишь одним — личным благополучием.

Актер ведет роль нарочито замедленно. Меньше всего заботится о том, чтобы герой его был отмечен печатью особого, императорского величия. Ромул держится проще всех, и это, пожалуй, единственное, что отличает римского императора от его подданных. У него умные, немного лукавые, грустные, добрые глаза.

Ромул — Мегвинетухуцеси — говорит тихо, в полемике выступает охотно, делает это легко, как бы между прочим, всегда отвечает остро, точно и впопад.

Холодно — жарко, холодно — жарко. Так и в творчестве Мегвинетухуцеси. Ему интересны образы диаметрально противоположных людей. И после столь разных Эдипа и Ромула он берет за Уджуша Эмху — бывшего царского офицера, случайно застрелившего матроса с революционного крейсера «Шмидт», что бросил якорь в сухумском порту в 1918 году, из рассказа Лео Киачели «Хаки Адзба».

В этом герое Мегвинетухуцеси сочетаются огромная сила, мужественность, полная свобода с необычайной деликатностью и легкой ранимостью. У такого человека свои представления о чести и долге. Эмха никогда не допустит, чтобы другой пошел за него на смерть. Но и снести оскорбления он не может. И никакие личные достоинства не в состоянии изменить трагическую судьбу человека, который не сумел выбрать верный путь, отгадать, на чьей стороне правда истории.

Мы часто сетуем: искусство перестало давать нам примеры для подражания. Однако это не совсем справедливо. Просто примеры стали другие.

После показа по телевидению многосерийного фильма Г. Лордкипанидзе «Берега» в Дату Туташхиа — Отара Мегвинетухуцеси влюбили все. И не только в Грузии.

...На улице в центре Тбилиси продавали мандарины. Стояла большая очередь. Перед новогодними праздниками цитрусовые брали ящиками — благо и цены тогда были несколько иными...

— Сынок, а сынок, взвесь мне пяток хороших мандаринов, — попросила бабушка.

— Бери, дорогая, сколько хочешь, у меня нет гриль, чтоб отпустить по сто граммов, — и он небрежно бросил ей несколько штук.

— Но я не нищая, — гордо ответила женщина. — Взвесь мне, пожалуйста, я заплачу.

— Ты следующий? — обратился продавец к мальчику, давая понять, что разговор окончен.

— Взвесь бабушке, — внешне спокойно, но твердо попросил будущий мужчина.

— Послушай, что ты такой, чтобы меня учить?!

— Дата Туташхиа! — не моргнув глазом, сказал мальчик, слегка топнул ногой и поднял вверх правую руку, вмиг оказавшись и в самом деле похожим на героя Отара Мегвинетухуцеси. И в этом нет ничего удивительного, если учесть особенность национального грузинского характера, отличающегося обостренным чувством человеческого достоинства, своего и чужого тоже. Прекрасно, если образ, созданный художником, воспринимается, как реально существующий человек, которому хочется подражать.

Нет, что бы ни говорили, мужчине идет быть мужчиной!

Борис ПОЮРОВСКИЙ.
Фото В. Плотникова.